

НАКАНУНЕ

НГ Ex Libris (прил. к Независимой) - 2005. - 14 апр. - с. 3

Король авансов

Антон Чехов и «сирены»

Дональд Рейфилд

На следующей неделе в «Издательстве Независимая Газета» выйдет книга Дональда Рейфилда «Жизнь Антона Чехова» (перевод с английского О. Макаровой). Предлагаем читателям фрагменты некоторых глав этой книги.

ПОМОЛВКА Январь 1886 года

Мысли о женитьбе посещали Чехова довольно часто, однако, прежде чем он решится на этот шаг, пройдут долгие пятнадцать лет. Своим поведением он напоминает голговетского Подколесина, который, увидев наконец долгожданную невесту, сбегает от нее, выпрыгивая в окно. При этом Антон всегда имел возможность с близкого расстояния наблюдать чужую семейную жизнь – и сорокалетний брачный союз родителей, и греховные связи Александра и Николая. На свадьбах ему то и дело приходилось выступать в роли шафера, вслед за чем возникало желание последовать примеру жениха. Вот что писал он 14 января доктору Розанову на третий день после его венчания: «Если Варвара Ивановна не найдет мне невесты, то я обязательно застрелюсь. <...> Пора уж и меня забрать в ежовые, как Вас забрали... <...> Помните? Чижик, новая самоварная труба и пахучее глицириновое мыло – симптомы, по коим узнается квартира женатого... <...> У меня женится трое приятелей...»

Придя в себя после продолжительных празднеств, Антон сочинил полный драматизма монолог «О вреде табака», а потом написал Билибину: «На днях я познакомился с очень эффектной француженкой, дочерью бедных, но благородных буржуа. Зовут ее не совсем прилично: M-lle Sigou». Четыре дня спустя Билибин получил еще одно письмо: «Вчера, прожывая домой одну барышню, сделал ей предложение. Хочу из огня да в полымя... Благословите жениться!»

О своей помолвке Антон сообщил одному Билибину; Маша, близкая подруга Дуни Эфрос, могла лишь гадать об этом. В письмах же Лейкину Антон вообще отвергал мысли о же-

рала Антон с Костей и Францем Шехтелем плясали на балу в казармах, где был расквартирован полк поручика Тышко, и, вернувшись домой, Антон писал Билибину о своем охлаждении к Дуни Эфрос: «Невесту Вашу благодарите за память и внимание и скажите ей, что женитьба моя, вероятно, – увя и ах! Цензура не пропускает... Моя она – еврейка. Хватит мужества у богатой жидовочки принять православие с его последствиями – ладно, не хватит – и не нужно. К тому же мы уже поссорились... Завтра помирился, но через неделю опять поссоримся... С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии – это характерно... Звонка страшная... Что я с ней разведусь через 1–2 года после свадьбы, это несомненно...»

Неистовая Дунина натура одновременно привлекала и отталкивала Чехова, и героини его рассказов, написанных в том году, именно ей обязаны своей чувственностью и напористостью. Четырнадцатого февраля Антон писал Билибину: «О моей женитьбе пока еще ничего не известно», а 11 марта все уже закончилось: «С невестой разошелся до нес plus ultra. Вчера видела с ней <...> пожаловался ей на безденежье, а она рассказала, что ее брат-жидок нарисовал трехрублевку так идеально, что иллюзия получилась полная: горничная подняла и положила в карман. Вот и все. Больше я Вам не буду о ней писать».

Растрезоженный амурными приключениями Антона, Билибин стал засыпать его вопросами о любви и сексе не только в литературе, но и в жизни. Тот, говоря о себе, упоминал лишь, что «таял, как жид перед червонцем, в компании Машинных хорошенек подруг». Дуня Эфрос продолжала оставаться другом семьи, хотя спустя два года поссорилась с Машей. Примирительный тон ее письма, присланного летом с кавказского курорта, послужит примером и другим отвергнутым чеховским невестам: «О богатой невесте для Вас, Антон Павлович, я думала еще до получения Вашего письма. Есть здесь одна ласковая купеческая дочка, недуренькая, довольно полненькая (Ваш вкус) и довольно глупенькая (тоже достоинство). Жаждет вырваться из-под опе-

«Девочки» всегда отлекают от литературы. Т.Щепкина-Куперник, Л.Яворская, А.Чехов. 1893 г.

быть записанным в число даровых подписчиков <...> Условия конкурса: 1) Участниками конкурса могут быть только лица мужского пола. 2) Письмо должно быть прислано в редакцию «Осколков» не позже 1 марта сего года и снабжено адресом и фамилией автора. 3) В письме автор объясняется в любви; доказывает, что он действительно влюблен и страдает; проводит тут же, кстати, параллель между простым увлечением и настоящей любовью <...> 4) Conditio sine qua non:

лись под угрозой. Так что в пользу перехода к Худякову говорили не только творческие, но и практические соображения, хотя Чехов признавал за Лейкиным некоторые достоинства, о которых писал Билибину, уверенному как раз в обратном: «Где Вы найдете другого такого педанта, ярого символиста, бегуна в цензурный комитет и проч.?»

Боле не нуждаясь в наставничестве Лейкина, Антон продолжал вести с ним активную переписку, иногда с улыбкой, а иногда с раздражением читая его самозабвенный вздор: «Все воюет с желудком. Должно быть, здоровый катарисид. И висмут не помог. Прибавил гран колену на 10 порошков. (...) Вчера купил корову за 125 рублей. Корову очень хороша. Хотел ее отправить к себе в усадьбу, но пожалел, оставил до Пасхи в городском помещении, тем более что лишнее стояло у меня есть. Теперь пьем молоко неподольное».

Для желудка Чехов порекомендовал Лейкину мышьяк. (Мышьяк он также прописал и Билибину и вместе с Лейкиным поговаривал над тем, что он опасается принимать его.)

Неожиданный отголосок гимназических лет вдохновил Чехова на достижение более высоких рубежей писательского ремесла. Виктор Билибин обратил его внимание на талантливую повесть «Моя женитьба», напечатанную в октябрьском и ноябрьском номерах «Русского вестника» за 1885 год. Речь в нем шла о преподавателе таганрогской гимназии, покинутом сначала бездельницей-женой, а потом милой его сердцу золовкой, которым вскружил голову свободолобивый актер. Автором оказался Федор Студил, преподававший Антону географию. Рассказ так сильно подействовал на Чехова, что спустя несколько лет он воспользуется его названием и некоторыми мотивами в собственной прозе.

В «Петербургской газете» Антон выгодно отличался умением тонко описывать природу, а также богатым опытом московской жизни и дачного времяпрепровождения – начиная с рыбной ловли и кончая вскрытием трупов. В таких рассказах, как «Мертвое тело» и «Унтер Пришибеев», либеральные взгляды сочетаются со стили-

стической тонкостью, столь характерной для прежнего Антона Чехонте. Иногда Чехов позволял себе брать патетические ноты. Рассказ «Горь», повествующий о старом токаре, который обморозился, отвозя в больницу умирающую жену, привел в восхищение Пальмина. Прочитав историю извозчика, который, потеряв сына, обращается за сочувствием к своей лошади (рассказ «Тоска»), в гениальности Антона поверил и брат Александр. Чехов научился быть серьезным – пока не в письмах, но в рассказах, где он мог скрыться за нейтральной и ироничной фигурой автора. Каков случайный скачок чеховской прозы намечается еще в рассказе «Художество», в котором пьяный крестьянин воздвигает крест на покрытой льдом реке. Достаточно типичный для творчества Чехова, рассказ был написан специально под праздник водосвятия и стоит первым в ряду ему подобных, развивающих тему создания греховным существом подлинного произведения искусства, исполненного религиозной тайны. Глубине и разнообразию этих историй Чехов обязан, в частности, и Мопассану, пользовавшемуся в России широкой популярностью, – его «Милого друга» и «Жизнь» Антон с Билибиным обсуждали в письмах. Познакомившись с десятком чеховских рассказов, которые печатались в «Петербургской газете» по понедельникам, столичные критики сменили неприязнь к провинциальному автору, за спиной которого не было никакого влиятельного покровителя, на более терпимое отношение.

СЧАСТЛИВЫЙ АВЕЛАН Октябрь – декабрь 1893 года

(...) С наступлением осени Лика появлялась в Мелихове реже. В Москве ее держали не только занятия в гимназии Ржевской, но и более насыщенная событиями жизнь. Оставались в тени и преданные ученики – Билибин, Щеглов и Грузинский чувствовали, что Чехову сейчас не до них. С Ежовым начали происходить странные вещи. Причиной послужила неподобность критиков в адрес его новой книги, вызвавшая у него крайнее озлобление: «Но когда Дорощевичи и Амфитеатровы из подворотни ку-

силась за штаны начинают – пожалуйста, судя по всему, до него не дошли. Вся Россия оплакивала композитора! Сворини обвинял в его смерти врачей, дядю и племянника Бертенсонов, выбравших неверную тактику лечения. Антон и эту смерть воспринял спокойно. В тот же день в письме от Александра он узнал, что и сам стоит одной ногой в могиле: «Ты, друг мой, опасно болен чахоткой и скоро помрешь. Царство тебе небесное! Сегодня приехал к нам в редакцию с этого грустного вестью Лейкин. Я его не видел, но все коллег рассказывают, будто он проливал в речах горькие слезы и уверял, будто бы ты ему единственному в мире доверил печальную повесть о своем столь раннем угасании от неизлечимого недуга». Брат предупредил Антона, что если тот останется в живых, то разочарует публику и будет обвинен в намерении привлечь к себе внима-

ние. Слово желая опровергнуть молву и насладиться жизнью, Антон вдруг оживился. Двадцать седьмого октября он вырвался в Москву и пробыл там до 7 ноября. С 25 ноября он снова был в Москве, где провел четыре недели под предлогом работы с корректурой «Острова Сахалина». Там же он приобрел новое прозвище – «счаст-

ливый Авелан». Осенью девяносто третьего года по случаю заключения франко-русского союза в Тулоне состоялось пышное чествование адмирала Ф.Авелана и его эскадры. Антон, уподобившись прославленному моряку, выпнул уловленное общество от славы, вина и красивых женщин. Уверенность Лики в том, что она – единственная женщина в его жизни, развеялась в прах.

«Эскадра» Антона-Авелана включала среди прочих Потапенко, Сергеевко, Гиляровского и страдавшего ошдышкой редактора журнала «Артист» Ф.Куманина (чья жизнь, похоже, укоротилась в ее бурных экспедициях). Искатели приключений кружили по московским гостиным – «Лоскутной», «Лувру» и «Мадриду» – и весело проводили время в компании Лики Мизиновой и ее подруги, будущей оперной певицы Вареи Эберле. Вскоре к ним присоединились две киевлянки.

Одной из них была Татьяна Щепкина-Куперник. В жилище этой девятнадцатилетней невелички (росту в ней было от силы метр пятьдесят), дочери адвоката (и прожигателя жизни) Л.Куперника, текла кровь великого русского актера М.Щепкина. Она с успехом переводила французские и английские пьесы, героинями которых были сильные женские личности: «Саф», «Угрошение строптивой», «Принцесса Греза». В стихах она воспевала лесбийскую любовь. С Татьяной уже был знаком Миша; теперь наступила очередь Антона. Мужчины тоже находили ее очаровательной, а Чехов высоко оценил и ее писательский талант. Друзья прозвали Татьяну «Кувырком».

Татьяна жила в гостинице «Мадрида», которая соединялась с соседними номерами «Лувр» длинными коридорами (окрещенными «катакомбы» или «Пирены»). В «Лувре» остано-

вилась ее возлюбленная, двадцатитрехлетняя актриса Лидия Яворская. Их роман начался так же громко, как и закончился (Татьяна познакомилась с Лидией, будучи обвиненной в клевете на нее, – дело шло о начале артистической карьеры Яворской в Киеве). Но пока сердце Лидии принадлежало Татьяне, хотя много чего доставалось и другим – ее антрепренеру Коршу, ее любовнику из таможенного департамента, Антону Чехову и, не исключено, Игнатию Потапенко. Как и Татьяна, Лидия была жизнерадостна и владела несколькими иностранными языками. Ее происхождение было довольно темным. Отец Лидии Б.Поббенет, потомок гугенотов, служил киевским обер-полицеймейстером и передал дочери самые яркие черты своей натуры – лоботрастие, большое самомнение, злопамятность и вместе с тем широту души. Поббенет помог дочери едва ли не силой водвориться на киевской сцене. Недостаток актерского таланта она восполняла демонстрацией чувственности. Пустив в ход очарование, в Москве она добилась у Корша заглавной роли в «Даме с камелиями». Лидия Яворская бурей промчалась по жизни Чехова, вызывая в нем одновременно вожделение и отвращение. «Луврские сирены» находили время повеселиться и с Левитаном, который, к большому неудовольствию Антона, называл их «девочками» (...)

Когда Антон был в Москве, Татьяна писала ему от своего имени, но по поручению Яворской: «Может быть, Вы почтите своим присутствием скромный № 8. И говорить не буду, как будет счастья его хозяйка. Татьяна К.». Положив на Антона глаз, Яворская не на шутку встревожила Лиду. Совместные вечеринки ей нравились, и она даже добавляла фразу-другую в послания Антону, но в конце концов, почувствовав сильное

Купил корову за 125 рублей. Корова очень хороша

смущение, унижение и вообще с трудом веря в происходящее, она решила, что с нее хватит. Еще летом Антон жаловался ей, что слишком стар и не годится в любовники; теперь же она наблюдала, как он дал связать себя по рукам и ногам «луврским сиренам». Второго ноября она сделала предупредительный выстрел: «За что так сознательно мучить человека? <...> Знаю я также и Ваше отношение – или снисходительная жалость – или полное игнорирование. <...> Умоляю Вас, помогите мне – не зовите меня к себе, – не выйдете со мной! – для Вас это не так важно, а мне, может быть, поможет Вас забыть. Я не могу уехать раньше декабря или января – я бы уехала сейчас!»

Спустя два дня, когда Антон вернулся в Мелихово, она опять писала ему: «Вчера опять провела невозможный вечер – мы с Варей легли спать в восемь часов утра. М-ше Яворская была тоже с нами, она говорила, что Чехов прелестен и что она непременно хочет выйти за него замуж, просила меня содействовать, и я обещала все возможное для Вашего общего счастья. Вы так милы и послушны, что, я думаю, мне не будет трудно Вас уговорить на это».

Яворская встречалась с Антоном на Машинной квартире, когда та уезжала в Мелихово. Весной 1894 года она вспомнила о разговоре, который произошел между ними в один из поздних ноябрьских вечеров: «Вы помните, как я спасалась в ноябре от преследовавшего меня человека и прибегала к Вашему гостеприимству. <...> Вы не раз спрашивали меня: «чего я добивалась?» Когда во мне болело отвращение к этому человеку и жалость, Вы, художник, как психолог, как человек говорили мне о праве человека располагать своим чувством, любить или не любить, свобод-

но подчиняясь внутреннему чувству».

Увлечись «сиренами», Антон совсем забыл о Сворине. Собираясь в Петербург, он 28 ноября писал ему: «По причинам тайнственным и важным в Петербурге я должен буду остановиться не у Вас, а на Мойке в гостинице «Россия». Сворин отгорчился чуть ли не до слез. Сохранился черновой набросок его ответа на письмо Антона: «Семь часов утра. Да, семь часов утра. Бедня, голубчик, совсем не сплю и не знаю, чем и когда это кончится. <...> Когда же Вас можно вызвать в Петербург? Да, если Вы остановитесь в гостинице «Россия», у черта на куличиках, не все ли это равно, что Вы будете в Москве, для меня по крайней мере. Оно, конечно, для Вас вольготнее, хотя мы, кажется, Вас не тревожили особенно, но мне это решительно ненавистно, и я еще думаю, что Вы раздумаете авось».

Следующее письмо Антона Сворину было настоящим плевок в душу. Познакомившись в Москве с издателем Сьтыным, он пришел в восхищение от того, как поставлено у него дело; «Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика покупателя не толкают в шею». С Сьтыным Антон подписал контракт, продав ему за 2300 рублей права на свои рассказы. Теперь Антон печатался в московских, а не в петербургских журналах. Новая издательница «Северного вестника» Любовь Гуревич уже и не надеялась дожидаться от Антона обещанной повести. Потеряв терпение, она потребовала срочно возратить четырехотрублевый аванс (Антон не преминул вспомнить о ее национальности). Пришлось обращаться с просьбой к Сворину, который безропотно расплатился за Антона. Отрабатывать авансы Антон не торопился. Щеглов в

О богатой невесте... Есть одна купеческая дочка, довольно полненькая (Ваш вкус) и довольно глупенькая (тоже достоинство)

нитьбе и мрачно описывал 19 января шумную свадьбу этанов выше у кухмистра Подпорина: «Над моей головой идет плас. Играет оркестр. Свадьба. <...> Кто-то, стуча ногами, как лошадь, пробегает сейчас как раз над моей головой... Должно быть, шафер. Оркестр гремит... <...> Женю, который собирает тараканить свою невесту, такая музыка должна быть приятна, мне же, немощному, она мешает спать».

Решив взять за себя Дуню Эфрос, Антон вовсе не рассчитывал на приданое, так как родители ее были небогаты. Не возникло у него пока и мысли о потомстве (разве что о щенке от Апеля и Рогульки, обещанном Лейкиным). Александр с гордостью повелел брату, что наблюдал появление на свет своего второго сына (его назвали Антоном), а затем прибил, что это зрелище отбилось у него всякую охоту дождаться с Анной в постель. Картины чадодобия и домовитости, разрисованные в таганрогских письмах старшего брата, отнюдь не вдохновляли Антона на женитьбу. К тому же Александр в следующем письме заметил: «Ты еще не женился. И не женись. <...> Я уже забыл, когда спал по-человечески».

Помолвка Чехова и Дуни Эфрос была тайной и краткой, и бурные перемены его настроения можно проследить по письмам к Билибину. Первого фев-

раля маменьки, которая ее страшно стеснял. Она даже одно время выпила 1,5 ведра уксуса, чтобы быть бледной и испугать свою маменьку. Это она сама сама рассказала. Мне кажется, что она понравится Вам. Денег очень много».

Национальность Дуни, несомненно, сыграла решающую роль в сближении с ней Чехова, а потом разрыве. Как и многие уроженцы юга России, Антон восхищался евреями и испытывал к ним симпатию. Всегда принимая их сторону, он даже Билибина упрекал, что тот трижды употребил в письме слово «жид». Хотя сам нередко использовал это слово не только в нейтральном, но и в уничижительном смысле и считал евреев какой-то другой расой с совершенно непримлемыми обычаями. Своих новых знакомых он делил на «евреев» и «не евреев», однако, судя по высказываниям и поведению, он скорее принадлежал к юдофилам.

Диничный взгляд Антона на любовь и семейную жизнь проявляется в двух вещах, написанных им для «Осколков» в январе 1886 года. Одна из них – это условия читательского конкурса: «Кто напишет лучшее любовное письмо, тот в награду получит: фотографию хорошей женщины, свидетельство (за подписью редактора и судей конкурса) в том, что такой-то, тогда-то вышел победителем на конкурсе, и право

автор должен быть литературно, приличен, нежен, итрит и поэтичен. <...> Судьями будут назначены дамы». В другом сочинении, «К сведению мужей», предлагаются шесть способов обольщения чужих жен. Цензура его не пропустила: «Несмотря, однако, на шутильный тон ее, по безразличности самого предмета, неприлично сладострастных сцен и цинических намеков, цензор полагал бы к печати не дозволять». Билибин, готовящий себя в мужья, сказал Чехову, что его юмореска оскорбительна: «Атакую-то жен» цензор не пропустил! А?.. Так Вам и надо. А еще жениться собираетесь».

Так или иначе, но литературный успех привлекал Антона больше, чем Дуня Эфрос. В 1885 году он написал около сотни произведений – примерно столько же печатных листов, сколько создал за свое последнее и лучшее десятилетие. В 1886 году, уже регулярно сотрудничая с «Петербургской газетой», он стал объектом внимания серьезных читателей и писателей. Лейкин с его «Осколками» уже перестал быть ему полезен, поскольку не придавал значения отделе произведений. (Сам он сразу писал свои рассказы набело и призывал к этому других авторов.) К тому же в 1885 году «Осколки» подверглись столь жесткой цензуре, что их существование, а заодно и доходы Антона оказа-